

Косоруков А.А., Кругляков Д.А.

Развитие публичной сферы в контексте взаимодействия государства и гражданских структур

Косоруков Артем Андреевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политического анализа, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: kosorukov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2205-9375](#)

ORCID ID: [0000-0002-0275-4899](#)

Кругляков Даниил Андреевич — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: dan_kruglyakov@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8024-7093](#)

ORCID ID: [0000-0001-6983-9419](#)

Аннотация

Исследования публичной сферы в последние десятилетия набирают все большую популярность как среди научного сообщества, так и среди специалистов-практиков, занятых в повседневных процессах государственного управления по всему миру. Границы и функциональное содержание публичной сферы отражают реальный потенциал гражданских структур во взаимоотношениях с государством при решении общезначимых вопросов и поиске ответов на современные вызовы, способствуя более гибкому и кооперационному государственно-общественному взаимодействию. От того, насколько государство заинтересовано в развитии и поддержании субъектного и конкурентного характера публичной сферы, во многом зависит общая готовность гражданских структур деятельно участвовать в проводимой государственными институтами политике, что повышает ее эффективность и приводит к повышению степени доверия граждан к государству и власти в целом. В связи с этим в статье рассматривается общее теоретическое понимание концепта публичной сферы в современной политической науке, сформировавшееся на стыке ключевых классических и современных подходов к ее анализу, преимущественно сложившихся в научном дискурсе на протяжении XX и начала XXI вв. Эволюция концепта публичной сферы, процесс ее исторического становления и трансформации, связанный с многочисленными административно-экономическими вызовами того или иного исторического периода, позволяют выделить модели взаимодействия государства и гражданских структур, в рамках которых можно проследить рост значения и функционала публичной сферы и ее новое качество в цифровую эпоху. С помощью выделения четырех различных моделей государственно-гражданского взаимодействия становится возможным наглядно продемонстрировать процесс становления и совершенствования публичной сферы как значимой составляющей публичной политики, позволяющей создать благоприятные условия для действенного участия гражданских структур в процессе формирования общественно-политической повестки и принятия политических решений, отражающих динамику публично значимых интересов.

Ключевые слова

Публичная сфера, государство, гражданские структуры, публичная политика, политическая повестка дня, делиберативная демократия, государственное управление, принятие политических решений.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-211-235

Kosorukov A.A., Kruglyakov D.A.

Public Sphere Development in the Context of Interaction between the State and Civil Structures

Artem A. Kosorukov — PhD, Senior Lecturer, Department of Policy Analysis, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kosorukov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-0275-4899](https://orcid.org/0000-0002-0275-4899)

Daniil A. Kruglyakov — Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: dan_kruglyakov@mail.ru

ORCID ID: [0000-0001-6983-9419](https://orcid.org/0000-0001-6983-9419)

Abstract

Public sector research has become increasingly popular in recent decades, both among the scientific community and among practitioners involved in the day-to-day processes of public administration around the world. The boundaries and functional content of the public sphere reflect the real potential of civil structures in their relations with the state in solving common issues and finding answers to modern challenges, contributing to a more flexible and cooperative state-public interaction. The degree to which the state is interested in developing and maintaining the subjective and competitive nature of the public sphere largely determines the general readiness of civil structures to actively participate in the policy pursued by state institutions, which increases its effectiveness and leads to an increase in the degree of trust of citizens in the state and the authorities as a whole. In this regard, the article considers the general theoretical positioning of the public sphere concept in modern political science, which was formed at the junction of the key classical and modern approaches to its analysis, mainly developed in scientific discourse during the XX and early XXI centuries. The evolution of the public sphere concept, the process of its historical formation and transformation, associated with numerous administrative and statistical challenges of a particular historical period, allows us to identify models of interaction between the state and civil structures, within which we trace the growth of the importance and functionality of the public sphere and its new quality in the digital age. By distinguishing four different models of state-civil interaction, it becomes possible to demonstrate the process of formation and improvement of the public sphere as a significant factor of public policy, which allows creating favorable conditions for the effective participation of civil structures in the process of forming the socio-political agenda and making political decisions that reflect the dynamics of publicly significant interests.

Keywords

Public sphere, state, civil society, public policy, political agenda, deliberative model, public administration, political decision-making.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-211-235

Введение (к постановке проблемы)

В условиях интенсивного развития информационного общества и цифровых медиа, способствующих интеграции плюралистических и конкурентных принципов в политическую жизнь практически любой страны, устойчиво функционирующая публичная сфера является ключевой характеристикой развития многих современных государств. В свою очередь, государства с развитыми гражданскими структурами отличаются от других государств, обладающих переходными, «фасадно-демократическими» или гибридными политическими режимами, эффективно функционирующей и самостоятельной публичной сферой, предполагающей открытое

позиционирование проблем во взаимоотношениях гражданского общества с государством на различных публичных аренах и площадках, их слаженное взаимодействие в решении общих задач и активное взаимодействие в ходе продвижения гражданских инициатив. В таких условиях, определяющих особенности функционирования публичной сферы, принятие государственных решений все менее ограничено узкокорпоративными интересами различных групп, в том числе зарубежных лобби и клиентов, но все более опирается на общие интересы большинства членов общества. Достижение указанных параметров и принципов открытости, доступности и эффективности во взаимодействии государства и гражданских структур в публичном пространстве становится первоочередной задачей не только общественных, но и государственных акторов.

В условиях информационной либерализации общественных отношений и связанной с ней демократизации общества происходит повышение роли и значения публичной сферы, адаптация к которой критически важна для стабильности современного государства, поскольку подталкивает его к совершенствованию своих информационно-аналитических и медиа-экспертных служб. В данном случае государство учится эффективно оценивать и формировать публичную информационную повестку по всему спектру общественных проблем, оперативно выявлять и решать вопросы, которые объективно находятся в фокусе общественной дискуссии и чувствительны для общества, содействовать их активному обсуждению и формулировать максимально приемлемые для всех решения. В этой связи возрастает необходимость в деятельном привлечении к подобным дискуссиям широкого круга гражданских структур, представителей экспертно-аналитического сообщества, чтобы на уровне публичной сферы поддерживать необходимый уровень вовлеченности и сопричастности общественности к контролю за процессом принятия государственных решений.

В научной и шире общественно-политической среде к настоящему времени сложилась определенная идеология, согласно которой независимый, самостоятельный и плюралистический характер публичной сферы, разнообразие и качество общественных дискуссий выступают сравнительным преимуществом открытого демократического общества и показателем его политического благосостояния, тогда как в «закрытом» обществе не существует достаточных условий для становления независимой и эффективной публичной сферы, без которой демократическое общество в информационную эпоху уже не может функционировать. При этом исторический опыт

становления публичной сферы — от момента ее зарождения на рубеже XVIII–XIX вв. и до настоящего времени — демонстрирует сложный и противоречивый характер взаимодействия государства и общества на разных исторических этапах, когда политическое развитие и благосостояние не были связаны с развитой публичной сферой, а требования демократизации выражались узкокорпоративными буржуазными группировками. При этом изучение исторических форм или моделей взаимодействия государства и гражданских структур может стать хорошим подспорьем в определении текущего состояния публичной сферы, в отслеживании таких встраиваемых в ее конвенциональное развитие процессов, как этатизация и корпоративный контроль («рефеодализация», согласно Ю. Хабермасу) [Хабермас 1991], возникновение которых в последнее время в публичном пространстве требует их своевременного изучения и политико-правового регулирования.

В современном мире происходит заметный рост медиаканалов и платформ, формирующихся на базе преимущественно корпоративных интернет-коммуникаций, предоставляющих общественным и государственным акторам все более широкие возможности для работы в публичной сфере. Именно развитая публичная сфера играет ключевую роль в налаживании качественного взаимодействия государственных и гражданских структур посредством как прямого диалога между ними, так и благодаря использованию новых передовых технологий, коммуникационных платформ и площадок. В этой связи обращение исследовательского интереса к изучению публичной сферы, ее сущности, характерных особенностей и тех возможностей, которые она предоставляет в современной публичной политике, актуально как никогда.

Позиционирование публичной сферы в научном дискурсе

В последние десятилетия среди представителей научного сообщества, занимающихся изучением публичных политических явлений, все чаще разворачиваются дискуссии о сущности, месте и роли публичной сферы в социальных науках. Толчком к данной дискуссии послужила вышедшая в 1969 году книга Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества», в которой он определил публичную сферу как «сферу социальной жизни, где на основе рациональных аргументов (опираясь на «коммуникативный разум» (прим. авт.)) обсуждают значимые для общества вопросы, а также формируется (делиберативное (прим. авт.)) общественное мнение» [Хабермас 1991, 175–177]. В результате начиная с конца 60-х гг. XX в. представители различных социальных наук — политологи, социологи, историки, философы, лингвисты и

экономисты, изучающие политическую жизнедеятельность общества, — стали все чаще обращаться к анализу термина и в целом концепта публичной сферы. Перед тем как перейти к сущности публичной сферы и сложившимся в политической науке подходам к ее определению, проясним некоторые методологические замечания.

В первую очередь важно отметить, что, когда мы говорим о процессах, акторах и взаимосвязях, происходящих внутри публичной сферы, так или иначе все многообразие складывающихся государственно-общественных отношений и групп сводится к двум взаимодополняющим друг друга сторонам: с одной стороны, государству, с другой — обществу. Под государством, обладающим полиморфной природой, будем понимать политико-административную сферу, включающую в себя всю совокупность властных структур, формальных и неформальных институтов, групп и коалиций правящего класса, напрямую влияющих на процесс принятия государственных решений и выработку политической повестки дня. Всеобъемлющее понятие «общество» будет включать не только население страны как таковое, имеющее определенные права и обязанности, но и те институализированные структуры гражданского общества, которые выражают их интересы в общественной сфере. Но в научном дискурсе гражданское общество как особый сегмент общества не тождественно обществу граждан, использующему и действующему посредством представительных институтов.

Не стоит также упускать из виду неоднозначность участия общества в публичной сфере. Это не только участие активных, позитивно настроенных, неравнодушных граждан в различных публичных акциях, обсуждениях, направленных на улучшение собственных условий жизнедеятельности, но и та часть общества, которая относится к так называемой «грязной» общественности и способна на асоциальные действия и поступки. Они могут привести к нарушению институционального нормативного порядка и в конечном счете к аномическому состоянию политической системы. В таких условиях, происходящих при трансформационных процессах в публичном пространстве на современном этапе развития государственно-общественного взаимодействия, проявляется проблема лиминальности публичной сферы, требующая предметной направленности к анализу взаимодействия государственных и гражданских структур [Сморгунов 2012]. Но для рассмотрения эволюции публичной сферы как синтеза государственной (политико-административной) и общественной сфер в исторической ретроспективе уместно будет использовать концепты «государство» и «общество» в более широком, абстрактном понимании, что позволит более отчетливо

проследить баланс взаимодействия, связи между этапами и возникающими форматами отношений между этими акторами. Ведь, как заметил А.И. Соловьев, публичная сфера является, с одной стороны, площадкой соприкосновения государства и общества в политическом пространстве, а с другой стороны, выступает как «арена взаимодействия институализированных центров власти с гражданскими структурами», где у каждого изначально разные возможности и цели [Соловьев 2018, 56].

Помимо прочего, необходимо обратить внимание на вопрос соотношения публичной сферы и тесно связанной с ней категории публичной политики. Довольно часто в разного рода исследованиях можно увидеть их синонимичное использование и некую общую линейную направленность применимо к традиционным идеал-типическим представлениям о государстве, обществе, демократии и др., что, на наш взгляд, не всегда корректно в современных усложняющихся условиях.

Публичная политика осуществляется и реализуется непосредственно в самой публичной сфере, будучи воплощенным результатом взаимодействия различных акторов, групп в публичном пространстве. При этом функционал публичной сферы и тем более публичной политики связан с более частными задачами: выработкой политической повестки, координацией правительственных планов, созданием массового дискурса, столкновением потоков символической политики «снизу» и «сверху», принятием как ключевых, так и повседневных решений и рядом других, зачастую определяющими эффективность проводимых мер публичной политики.

Как точно отмечают Л. Никовская и В. Якимец, эффективность и характер публичной политики в значительной мере зависит от «организации публичной сферы и развитости ее ключевых институтов и механизмов». По их мнению, публичная сфера — это «своеобразный инновационный инкубатор, позволяющий «свежей крови» новых социальных технологий оптимизировать механизм взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества» [Никовская, Якимец 2018, 73]. В процессе этого взаимодействия в публичной сфере продуцируются механизмы реализации публичной политики, при условии что при ее выработке и при осуществлении контроля за деятельностью властей будет активно задействован потенциал гражданского участия, учет предложенных ими инициатив и включения их в политическую повестку дня.

С точки зрения институционального подхода публичная политика представляет собой деятельность публичных институтов власти и ее влияние на тех, на кого она направлена, в первую очередь на общество. Соответственно, без «зрелой» публичной сферы, где общественные структуры и институты являются ключевым звеном,

невозможно полноценное воплощение мер публичной политики в отношении граждан. Там, где происходит активная включенность в публичную сферу различных политических акторов для обсуждения и выработки правительственного курса, проявления самостоятельности действий, суждений при его реализации, и формируется публичная политика, основанная на взаимном компромиссе позиций сторон.

С позиций дескриптивного подхода публичная сфера и реализуемая в ней публичная политика представляют собой некие рамочные идеалистические конструкции (выраженные в дискурсивности, гражданоориентированности, открытости, легитимности, рационализме и др.), что позволяет говорить, с одной стороны, об их необходимости и эффективности, а с другой — об односторонности и поверхностности в публичном дискурсе. При этом в практике государственного управления часто наблюдается дисбаланс государственно-общественного взаимодействия в публичном пространстве, что порождает, в свою очередь, ограничения и трудности при осуществлении публичной политики, которые налагаются как на государства, так и на гражданские структуры.

Некоторые исследователи отмечают, что процесс выработки публичной политики «скрывается» в определенной степени автономном от публичной сферы административно-управленческом комплексе» [Мирошниченко 2014, 361], поскольку различные административные барьеры в сложно структурированной бюрократической среде на разных уровнях властной организации дистанцируют государственных и гражданских акторов, отстраняя последних от определения повестки дня.

Помимо прочего, сетевой подход к анализу публичной политики демонстрирует своего рода ограничения при ее формировании и, как следствие, в производстве правительственного курса. Они создаются многочисленными неформальными структурами и сетевыми коалициями правящего класса, которые оказывают существенное влияние на «узлы власти» и тем самым сводят к минимуму возможность влияния гражданского общества на принимаемые решения в публичной сфере [Соловьев 2018, 53]. Взамен этого происходит конструирование и имитационное воплощение общественных интересов.

Все эти основания создают условия для перманентной информационной асимметрии в обеспечении функций государства и общества, что в результате создает в публичной сфере большое количество открытых, политически неопределенных пространств, так или иначе задействованных правящим режимом в своих целях с применением символических механизмов влияния. Такие инструменты позволяют

направлять информационно-дискурсивные потоки в нужном для властных институтов русле, приводя ко все большему отдалению населения от участия в обсуждении важнейших вопросов и превращая их в так называемую «бесполезную общественность». Таким образом, в публичном пространстве при смещении баланса государственно-общественного взаимодействия в пользу властных структур публичная политика становится инструментом для достижения целей наиболее влиятельных ресурсообеспеченных игроков. Эти особенности и ограничения публичной политики в большей степени нашли отражение на современном этапе развития публичной сферы.

Переходя к рассмотрению сущности публичной сферы и выделению подходов к ее рассмотрению, следует отметить, что термин «публичная сфера» является переводом немецкого слова «Öffentlichkeit», объединяя в своем содержании два взаимосвязанных понятия: во-первых, понятие «публика», представляющее собой «группу выступающих и слушателей, присутствующих в публичной сфере», или, согласно Г. Тарду, «думающую часть людей, вовлеченных в процессы коммуникации, способных к критическому восприятию информации и самостоятельности в выработке суждений» [Пушкарева 2018а, 315]; во-вторых, понятие «публичность» или состояние публичности, предполагающее открытую к пониманию и восприятию со стороны общественности политику, подлежащую проверке в диалоговом пространстве коммуникаций.

Со временем содержание и объем понятия публичной сферы в научном сообществе были во многом расширены с применением различных теоретических подходов. Большая часть дискуссий по проблематике публичной сферы была направлена на поиск ответов на следующие вопросы: какая теоретическая модель и структура лежат в основе публичной сферы и какое влияние публичная сфера оказывает на баланс в отношениях между обществом и государством? В результате сложилось две научные традиции, позволяющие по-разному подойти к проблеме теоретической интерпретации публичной сферы [Пушкарева 2018b].

Основоположником первой традиции был вышеупомянутый Ю. Хабермас. Он в своей трактовке публичной сферы охарактеризовал ее как некое пространство коммуникации гражданских структур и частных лиц, которое открыто для «обсуждения вопросов, имеющих значение для членов общества и выработки в ходе такого обсуждения согласованных позиций по поводу перспектив социального развития» [Хабермас 2013, 227]. Хабермас рассматривал публичную сферу как позитивную силу, сдерживающую власть в определенных рамках, чтобы принимаемые с ее стороны решения не вступали в противоречие с общественными интересами. Таким образом,

в трактовке Хабермаса общество должно воспринимать публичную сферу как регулирующий институт, средство поддержания баланса и определенных правил в отношениях с государственной властью. Поэтому предназначение публичной сферы заключается в том, чтобы государственная политика, весь законодательный и исполнительно-распорядительный процесс, лежащий в ее основе, выстраивались исходя из общественных интересов и чтобы единственной легитимной властью становилась та, которая поддерживает развитие и функционирование публичной сферы (в противовес ее «феодализации» или прямому контролю со стороны государственных и корпоративных структур).

Другая традиция интерпретации публичной сферы сложилась как противопоставление публичного частному, причем в процессе общественного развития происходит постепенный упадок публичного как сферы проявления свободы и демократии (Х. Арндт) [Arendt 1998]. Так, по мнению отечественного исследователя Ю.А. Красина, «в отличие от сферы частных интересов (где распространены насилие и бесправие в интересах немногих (прим. авт.)) публичная сфера охватывает интересы общества в целом» [Красин 2004, 14]. Профессор Карлетонского университета Дж. Де Барделебен, напротив, отмечает, что публичная сфера не противостоит частной, а скорее выступает неким ее дополнением для более широкого вовлечения общественности в публичные дела [Красин, Розанова 2000, 86]. Развивая данную идею, А.Г. Глинчикова пишет о публичной сфере как «сфере общественного интереса, требующей общественного участия в его реализации» [Там же, 86]. При этом, несмотря на важность активной вовлеченности общественности, публичная сфера возникает, когда происходит постепенное укрепление публичной формы государственной власти, которая как центральный актер обеспечивает процесс регулирования общественно значимых проблем в публичном пространстве [Пушкарева 2018b, 79]. Соответственно, в рамках указанной традиции публичная сфера играет различную роль в отношении сферы частного — от прямого столкновения до конструктивного взаимодополнения, тем не менее обеспечивая возможность выстраивания более или менее равных и рабочих отношений общественности с государством.

На современном этапе развития общественных и политико-административных наук концепт публичной сферы стал использоваться применительно к процессу принятия государственных решений [Сморгунов 2017]. В соответствии с данным подходом, публичная сфера — это область социальной жизнедеятельности, где отдельные индивиды и организации могут взаимодействовать друг с другом с целью

выявления общезначимых проблем и их свободного обсуждения, а посредством этого обсуждения — влиять на политический процесс, а также принимать необходимые государственные решения. Подобное публичное обсуждение определяется как выражение частных мнений по вопросам, которые волнуют общественность в целом, при этом часто происходит столкновение противоположных или расходящихся взглядов, которые выражаются участниками широкой дискуссии.

Еще одним современным подходом к изучению публичной сферы выступает пространственный подход, который строится на базе соотношения «публичной сферы» и «публичного пространства» как пространственно-обусловленных категорий. В русле данного подхода ряд зарубежных исследователей рассматривает публичную сферу как «демократическое пространство», включающее в себя совокупность «площадок, где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес» [Bryson et al. 2017, 642]. Следовательно, публичная сфера в данном случае понимается как социальное пространство взаимодействия, в котором выражаются различные мнения, обсуждаются проблемы общего характера, а коллективные решения разрабатываются на объединяющей всех участников коммуникативной основе. Таким образом, публичная сфера является центральной ареной социальной коммуникации и взаимодействия для политических акторов и институтов.

В блоке коммуникативных исследований понятие публичной сферы как особого политико-коммуникативного феномена применяется в отношении политической и социокультурной коммуникации, являясь при этом и описательным, и нормативным. Блок нормативных подходов к изучению публичной сферы обычно наделяет ее идеальными характеристиками открытой многосторонней коммуникации, а также формулирует условия, способствующие ее реализации, позволяя критически оценивать существующие в политической системе конкретного государства модели и механизмы коммуникации.

Резюмируя вышеизложенные подходы к интерпретации публичной сферы, отметим, что публичная сфера представляет собой специфическую информационно-коммуникативную среду, которую люди интерпретируют как достоверное отражение окружающей их действительности и происходящих в ней общественно-значимых событий и процессов, оказывающих непосредственное влияние на принимаемые ключевыми государственными и негосударственными акторами решения. Другими словами, публичная сфера выполняет функцию информирования людей о различных параметрах общественного развития, о разного рода фактах и изменениях,

происходящих в публичном пространстве, в то время как информированная общественность может внедрять в публичное пространство свои собственные представления и формировать общественное мнение, определять композицию и конфигурацию проблем, возведенных на уровень общественной повестки, что, в свою очередь, непосредственно влияет на фактически разворачивающиеся процессы и решения, в которые вовлечены ключевые акторы. Таким образом, основным предназначением публичной сферы является перевод частных интересов в категорию общественных с одновременным расширением и поддержанием участия в политическом процессе самих граждан, что стимулирует и направляет их для скоординированного решения насущных общественных проблем.

Возникновение и развитие публичной сферы

Представив в обзоре теоретических исследований зарубежных и отечественных авторов многообразие концепций и теоретических подходов к изучению публичной сферы и связанных с ней характеристик, в целях более глубокого понимания концепции публичной сферы и ее значения как для политической науки, так и для государственного управления необходимо проследить ее эволюцию в историческом контексте становления гражданского общества, в частности, рассмотреть различные модели того, как государство, взаимодействуя с гражданскими структурами на разных этапах общественной эволюции, формировало облик и содержание публичной сферы.

Эволюция публичной сферы на разных исторических этапах была сопряжена с двуединым процессом взаимодействия государства и общества преимущественно через призму политического пространства. На протяжении исторического времени вместе с совершенствованием государственных институтов и возникновением первых автономных от государства общественных организаций и политических партий происходило постепенное разрастание государственно-властных отношений, охватывающих все больший объем общественных отношений, при этом шло поэтапное формирование гражданского общества и различных форм гражданской активности, приобретающих со временем все более институализированный характер. Иными словами, государство как ключевой актор в отправлении власти при переходе от Средневековья к эпохе Нового времени, активном развитии капиталистических отношений и возникновении устойчивого демократического мегатренда политической модернизации перестало сопротивляться тому, чтобы общественные процессы стали приобретать большую автономию и внутреннюю динамику воспроизводства, тем самым создавая предпосылки для налаживания устойчивой публичной коммуникации с обществом и формирования независимой публичной сферы.

Исторически первым этапом в становлении публичной сферы стал период Средневековья, когда на протяжении многих столетий, вплоть до конца XVIII в., в общественном сознании преобладала традиционная патриархальная модель властеотношений между монархом, олицетворяющим всю высшую власть в государстве, и его подданными. Публичная сфера представляла собой пространство непосредственной коммуникации монарха и представителей высшей земельной аристократии, включая церковных иерархов. В Средневековье отсутствовало конституционно-правовое закрепление независимости и самостоятельности публичной сферы от сферы деятельности государства, которое было представлено властью единоличного монарха, в противном случае средневековые государства должны были бы обладать законодательной базой для обеспечения таких свобод, как свобода слова и собраний, свобода, независимость и плюрализм средств массовой информации, свобода деятельности общественных объединений (политических партий, профсоюзов, предпринимательских союзов) и т.д.

Единственными участниками публичной сферы выступали глава государства и приближенные к нему правящие элиты в лице аристократии и духовенства. По сути, вся публичная власть была так или иначе сосредоточена вокруг фигуры монарха, осуществляющего неограниченный контроль за всеми общественными акторами и политическими процессами, чему в немалой степени способствовала идея божественного происхождения власти, лежащая в основе абсолютной монархии, а также максима римского юриста Ульпиана, согласно которой «государь не связан законами». Тем не менее такая по сути ничем не ограниченная самостоятельность монарха могла быть объективно сдержана неповоротливостью бюрократического аппарата, а субъективно — возможностями и амбициями высшей знати и церкви, которые были вовлечены в проведение публичных церемониалов, необходимых для легитимации верховной власти монарха перед лицом его подданных в рамках принятых в то время публичных процедур.

Важно отметить, что такая форма взаимоотношений между монархом и подданными не позволяет говорить о наличии публичной сферы в ее современном понимании. Никто другой больше не мог самостоятельно олицетворять публичность вне рамок феодально-сословной иерархии тех сложившихся норм и институциональных порядков, где монарх как высший феодал, обладающий легитимностью как «помазанник Божий» в рамках религиозной концепции того времени, демонстрировал публичный характер своей власти через данные ему свыше управленческие возможности в отношении всех остальных сословных групп.

В данном случае в рамках сложившейся концепции феодально-сословной репрезентации власти мы можем говорить о первой модели взаимодействия государственной и общественной сферы, в которой публичная сфера полностью подчинялась верховной власти, входила в круг ее интересов и во многом зависела от нее, пытаясь всеми своими действиями поддержать легитимность сложившегося институционального порядка, в то время как еще не существовало каких-либо гражданских или общественных акторов в противовес властвующим элитам. Таким образом, публичная сфера в феодально-абсолютистскую эпоху представляла собой «коллективную саморефлексию сложноструктурированного общества с его символической репрезентацией в отношении фигуры правителя, где монарх и его подданные как два основных элемента публичной сферы в равной степени зависели от коллективного действия» [Косоруков 2017, 40].

Такая модель взаимоотношений власти и общественности в публичном пространстве сохранялась вплоть до нарастания с конца XVIII века кризисных явлений в непоколебимом абсолютизме и сформулированной на его основе концепции феодально-сословной репрезентации власти в связи с постепенным переходом ко все более выраженным капиталистическим отношениям, обострению революционно-реформаторских процессов в ключевых европейских странах (приведших к образованию Первой республики во Франции, обретению Тринадцатью колониями (в будущем — США) независимости от Великобритании и др.). Все это способствовало тому, что распространявшаяся практика политических публичных дискуссий стала институализироваться и официально отражаться в основных нормативных актах — первых конституциях, прочно закрепляясь в системе государственного управления (второй этап становления публичной сферы — где на фоне кризиса монархических систем складываются республиканские режимы, растет класс буржуазии, возникают первые политические партии и независимые средства массовой информации — был отмечен возникновением второй модели публичной сферы, в рамках которой государственная власть уже не могла претендовать на одностороннее доминирование и опиралась на поддержку зарождающихся гражданских структур).

Несмотря на то, что публичность во многом продолжала зависеть от деятельности и авторитета властвующего правителя, происходило смещение баланса сил и интересов от приближенной к монарху феодальной аристократии в пользу новой складывающейся буржуазии, для которой публичный характер репрезентации своих интересов приобретал все более отчетливые черты и необходимость. Благодаря

совокупности всех происходящих процессов в публичном пространстве началось постепенное становление гражданского общества — будущей основы для формирования публичной сферы в противовес государству и в дополнение к нему, что послужило началом нового этапа ее исторического развития.

На третьем этапе становления публичной сферы, характеризующемся появлением в конце XIX – начале XX в. массового общества и распространением массовой модели демократии, публичная сфера стала разделяться на государственную, частную и общественную сферу, в которой гражданское общество начало проявлять себя как самостоятельный актор публичной политики, хоть и в весьма ограниченных рамках под постоянным контролем центральной власти [Косоруков 2019]. Все это привело к тому, что, приобщаясь к новым условиям, публичная сфера способствовала появлению новой «публичной власти», способствующей выстраиванию и закреплению таких публичных политических институтов, как институт парламентаризма, политических партий, первых прообразов институализированных групп интересов и лоббистских организаций.

Следуя реалиям новой системы публичных властеотношений, общество через различные институализированные формы самоорганизации, в достаточной мере автономные от существующих государственных институтов, перестало полностью зависеть от власти и управляться ей. Так, вместе с началом процесса демократизации публичной сферы произошло выстраивание известной дихотомии «государство-общество», где общество еще не обладало ресурсами и возможностью открыто оппонировать публичным инициативам государственных институтов и проводимой государственной политике, но все больше заявляло о себе как о важном акторе, способном оказывать влияние на принятие тех или иных политических и в конечном итоге государственных решений. Эта взаимосвязь и дихотомия «государство-общество» в динамике своего взаимодействия формировало публичную сферу, являясь ее стержнем и основанием для проводимой публичной политики.

На протяжении данного этапа становления публичной сферы сложилась третья модель публичной сферы — либеральная модель, которая, с одной стороны, стремилась ограничивать абсолютную власть правителя, а с другой — сформировать представительные институты, в частности, по модели британского парламентаризма, ограничивающие власть монарха и выполняющие функцию медиатора в поиске баланса интересов между правящими элитами и классами. В дальнейшем именно институт парламентаризма, распространявшийся в XIX в. по другим европейским государствам, взял на себя функции публичного медиатора, став выразителем интересов различных слоев общества.

Свое отражение либеральная модель публичной сферы нашла также в процессе распространения идей конституционализма, принятия в различных странах первых писанных конституций, в которых закреплялись фундаментальные права человека, общественные свободы, институты предпринимательской деятельности и частной собственности, ставились определенные ограничения при осуществлении государственной власти в тех случаях, где это необходимо для защиты базовых общественных интересов и даже прав отдельного индивида. Важно и то, что закрепление соответствующих положений в основном законе, по сути, утвердило правила функционирования такой специфической сферы жизнедеятельности общества, как публичная политика. В рамках ее функционирования граждане стали обладать правом формировать институты представительства как своих интересов, так и продвижения интересов целых социальных слоев общества, начиная от пролетариата и крестьянства и заканчивая интеллигенцией и классом городских жителей.

Одним из важных факторов развития публичной сферы в рамках либеральной модели и одним из ее ключевых акторов стало распространение средств массовой информации через издание политических газет и журналов, являвшихся в то время единственным проводником публичной политики для образованной части населения и оказавших огромное влияние на формирование общественного мнения — вплоть до появления первых радиопередач в 20-е гг. XX в. Дальнейшая популяризация и политизация печатных периодических изданий превращала газеты в печатное орудие для борьбы за политические права, за свободу слова, независимое общественное мнение и в целом способствовало укреплению публичной сферы как действующего принципа, что становилось для государства определенной угрозой, связанной с выходом общественной сферы из подконтрольного ему публичного пространства вплоть до полной утраты контроля над ним.

Таким образом, на протяжении Средневековья, Нового времени и до появления массового общества в XX веке существовали модели публичной сферы, определяемые взаимоотношениями власти и общества и предполагающие лишь относительную самостоятельность гражданских структур от государственного контроля и надзора, когда при решении важнейших вопросов общественно-политической повестки сохранялась очевидная зависимость общества и власти, проявляющаяся в демонстрации общей лояльности к проводимой государством политике, за исключением каких-либо спорадических общественных акций или деятельности революционно настроенных групп общества. В свою очередь, усиление и консолидация буржуазного сегмента

публичной сферы, с одной стороны, способствовали формированию представительных органов публичной власти как ключевой площадки позиционирования общественных интересов, с другой — оказывали влияние на процесс принятия государственных решений в уже функционирующих властных институтах.

Формирование современной публичной сферы

В XX столетии вместе с образованием массового общества и распространением массовых коммуникаций публичная сфера стала неотъемлемым компонентом политической жизни общества и государства. В условиях массовой демократизации, в том числе по модели социалистической демократии, сопровождавшейся усилением роли СМИ и политической пропаганды в целом, публичная сфера стала все больше реагировать на потребности и интересы гражданского общества в лице массового избирателя, выходя из-под влияния преимущественно интересов государства и правящего класса. Тем самым публичная сфера стала в какой-то степени равноправной и самостоятельной единицей, с которой государству необходимо было считаться при принятии важных политических решений. Это стало особенно актуально, когда в европейских странах получила свое развитие концепция государства «всеобщего благоденствия», ориентированная преимущественно на удовлетворение социальных потребностей общества [Косоруков 2019].

В этих условиях мы можем говорить, что между государством и обществом сложилась особая модель взаимодействия в публичной сфере, основанная на равноправии и самостоятельности ее основных акторов. Но стоит учитывать и тот факт, что государство как регулирующий институт, по словам А.И. Соловьева, согласно принципу властвования и подвластности, «стремится к укреплению своей власти по отношению к обществу и к пресечению тех или иных центробежных тенденций» [Соловьев 1996, 33–34], при этом самостоятельность гражданского общества в публичной сфере часто расценивается органами государственной власти как посягательство на основы государственного устройства, что приводит, как правило, к соответствующей реакции со стороны государства для подавления подобного рода проявлений независимости и желанию поставить ее под свой контроль [Соловьев 2019].

Так, начиная с конца XX столетия публичная сфера стала представлять собой весомый пласт отношений между государством и обществом, когда в ходе процессов информатизации большую роль стали играть современные коммуникационные и цифровые технологии, с помощью которых государство смогло взять под контроль общественную повестку дня, используя различные инструменты для ее интерпретации в своих интересах с целью манипуляции массовым общественным сознанием и реагируя на наиболее выраженные общественные запросы и потребности.

В связи с этим на современном этапе развития публичной сферы особую значимость получила ее делиберативная концептуализация, выраженная в модели делиберативной (совещательной) демократии [Manin 1987; Cohen 1989; Хабермас 1991; Forester 1999; Dryzek 2000; Fishkin 2009; Зайцев 2013; Грачев 2013]. Данная модель позволяет объяснить, как в современных условиях происходит коммуникация между государственными и гражданскими структурами и на различных традиционных площадках, и в онлайн-пространстве, а также продемонстрировать, как с помощью данных механизмов и каналов происходит вовлечение общественности в процесс принятия политических решений.

Влияние новых технологий манипулирования общественным сознанием и политическими процессами способствует переплетению между собой публичной и общественной сферы, в которой государство, непосредственно регулируя публичное пространство, осуществляет управление всей публичной политикой для реализации собственных целей. Другими словами, используя современные информационные технологии, оно конструирует публичную сферу, придавая публичности имитационный характер, симулирует участие общественности в публичных мероприятиях для легитимации принимаемых государственных решений, повышения политического доверия на фоне кажущейся общественной поддержки. По сути, происходит возвращение к первоначальной модели взаимодействия государства и общества в рамках публичной сферы, когда государство пытается контролировать публичную сферу и происходящие в ней общественные процессы посредством применения современных технологий влияния на общественное сознание.

С другой стороны, самоорганизуется все более заявляющая о себе общественная власть, которая консолидируется в сетевом публичном пространстве на базе сети Интернет и демонстрирует свой потенциал посредством активного присутствия на различных коммуникационных площадках, тем самым противостоя давлению со стороны государственных институтов и приобретая все новые политические функции в публичной сфере. Как отмечают отечественные исследователи публичной сферы, «в современных условиях это приводит к преодолению тупика сжатия и «рефеодализации» публичной сферы, поиску со стороны государственной и общественной власти новых вариантов достижения политических компромиссов как между собой, так и внутри каждой из них» [Ярская-Смирнова и др. 2013, 10]. В ходе изучения исторического опыта становления публичной сферы стало очевидным, что для налаживания конструктивного взаимодействия общественных и государственных

акторов, выражения и обмена мнениями, поиска компромиссов и решения общих проблем необходимо на каждом новом этапе выдвигать новую модель коммуникации между властью и обществом, содержащую в себе уникальный набор диалоговых форматов и площадок на базе новейшего информационно - коммуникационного инструментария.

Заключение (модели государственно-общественного взаимодействия)

Проследив основные исторические этапы эволюции публичной сферы через призму ее теоретического осмысления в работах зарубежных и российских авторов, важно отметить, что данный феномен во многом формировался в результате взаимодействия государственных институтов и общественных структур и нахождения ими оптимального варианта сосуществования, перехода от доминирования государства ко все более кооперационному сотрудничеству. В ходе этого взаимодействия происходило постепенное складывание гражданского общества, при этом вместе с усложнением социальной структуры и диверсификацией общественно-политической жизни происходила его последующая институционализация. В результате именно гражданское общество и его структуры, через которые граждане выражают общественные интересы, выступают одним из значимых элементов управления как процессами публичной политики, так и публичной сферой в целом.

Следует отметить, что публичная сфера в процессе своего развития претерпевала значительные изменения, проделав непростой и противоречивый путь во взаимодействии этатистского и гражданского начала публичной политики. Сперва это сводилось к доминированию властногосударственной составляющей, включающей в себя общественную сферу. С течением времени, с усложнением социальной динамики и политических процессов общественная сфера стала постепенно обособляться и приобретать черты самостоятельного феномена в публичном пространстве. Но в последние десятилетия с появлением новейших технологий массовых коммуникаций, наблюдения и контроля стал происходить обратный процесс смещения формально независимой публичной сферы под все больший контроль государства благодаря использованию различного рода цифровых технологий влияния на массовое сознание и общество в целом.

В свою очередь, вышеназванные тенденции каждого из исторических этапов развития публичной сферы позволяют выделить четыре модели взаимодействия государства и общества (гражданских структур)¹.

Модель 1. «Государство = общество = публичная сфера», согласно которой общественная сфера (общество), по сути, не существует вне сферы активности государства и подконтрольна ему. Здесь государство, используя весь свой властный потенциал, формирует общественную повестку, как и саму общественную сферу, задавая тем самым рамки и определяя функциональные возможности публичной сферы (Рисунок 1)².

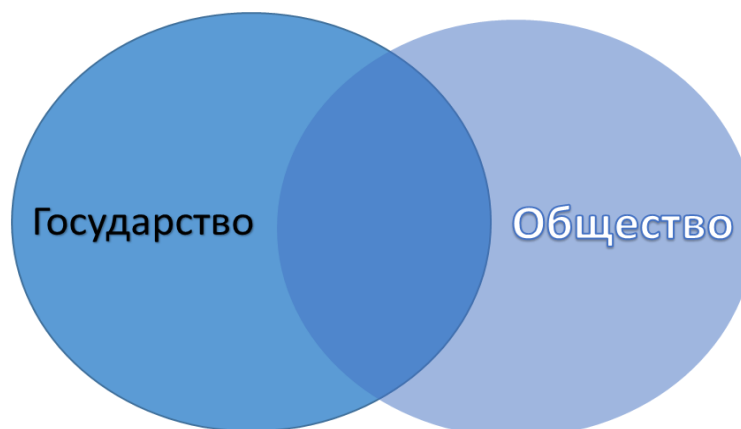
Рисунок 1. «Государство = общество = публичная сфера»³

Модель 2. «Государство + общество = публичная сфера», в рамках которой общественная сфера отчасти выходит за пределы государственного влияния, но по-прежнему зависит от его интересов. Существование самостоятельной публичной сферы в данной модели возможно в той части общественной сферы, которая не включена в процесс государственного администрирования публичных форм гражданской активности (Рисунок 2).

¹ Авторские названия моделей и соответствующих им схем носят условный характер с целью наглядно продемонстрировать рассмотренные этапы и тенденции.

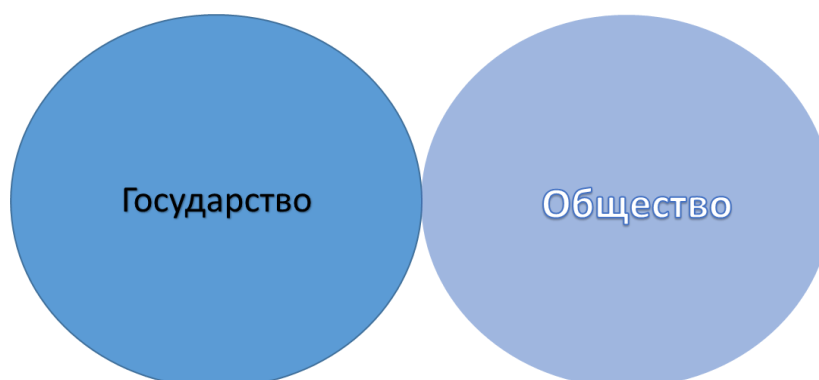
² Пояснения к схемам: это модели публичной сферы, то есть взаимодействия «государства» и «общества» на разных исторических этапах, где государство — это политико-административная (правительственная) сфера, использующая властные механизмы, и общество — общественная сфера или сфера гражданских интересов, представленная как структурами гражданского общества, так и населением страны в целом.

³ Составлено авторами.

Рисунок 2. «Государство + общество = публичная сфера»⁴

Модель 3. «Государство/общество = публичная сфера», в соответствии с которой самостоятельная общественная сфера наравне с государством может формировать публичную сферу, однако интересы и приоритеты государства продолжают играть центральную роль в процессе принятия и реализации публично значимых решений (Рисунок 3).

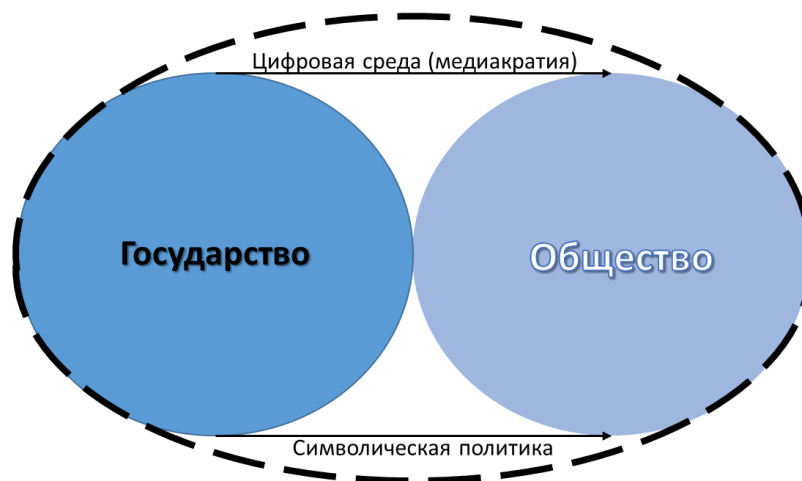
Рисунок 3. «Государство / общество = публичная сфера»⁵

Модель 4. «(Государство + общество) * цифровая среда = цифровая публичная сфера», в рамках которой при формально декларируемой автономности общественной сферы от государства наметился фактический возврат к первоначальной модели, в которой общественная сфера практически полностью входит в сферу интересов государства и подчиняется ему. Это осуществляется за счет развития государством подконтрольной своим медиа и ведомственным администраторам цифровой публичной сферы на базе использования новейших цифровых медиа, технологий искусственного

⁴ Составлено авторами.

⁵ Составлено авторами.

интеллекта, управления потоками символической политики и в целом общественным сознанием, что позволяет ему формировать административноцентричную повестку и осуществлять, по сути, медиакратическое правление. Соответственно, берется курс на замещение общественной повестки — государственной, сформулированной правящим политическим классом в своих интересах (Рисунок 4).

Рисунок 4. «(Государство + общество) * цифровая среда = цифровая публичная сфера»⁶

Таким образом, выделенные модели позволяют наглядно проследить, как с течением времени происходило постепенное развитие публичной сферы через призму государственно-общественного взаимодействия, а также определить те вызовы, перед которыми она находится на современном этапе.

Важно также отметить тот факт, что приоритетом государства по поддержанию и развитию публичной сферы в цифровую эпоху с ее многочисленными вызовами является обеспечение слаженного конструктивного взаимодействия общества и власти в процессе принятия политических решений и формирование общественно-политической повестки дня, объективно отражающей динамику публичных интересов в масштабах своей страны. При этом, несмотря на то, что цифровая публичная сфера носит во многом сконструированный ее наиболее влиятельными акторами характер, несмотря на то, что информационные форматы ее выражения складываются на основе имитационной или управляемой публичности, самим властным структурам и различным публичным акторам жизненно необходимо опираться на цифровую публичную сферу как источник общественной поддержки и легитимности, тем самым раз за разом учитывая мнение, интересы и потребности граждан и широких слоев населения в целом.

⁶ Составлено авторами.

Список литературы:

- Грачев М.Н. Онлайн-делиберация: разработки, исследования, практики // Политическая наука. 2013. № 1. С. 280–292.
- Зайцев А.В. Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // Via in tempore. История. Политология. 2013. № 15(158). С. 147–153.
- Косоруков А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. Москва: «Макс пресс», 2019.
- Косоруков А.А. Трансформация публичной сферы в теории и практике государственного управления // Политика и Общество. 2017. № 8. С. 36–47. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.8.20966.
- Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Политика. 2004. № 3. С. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2004-34-3-5-23>.
- Красин Ю.А., Розанова Ю.М. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) // Социс. 2000. № 10. С. 84–91.
- Мирошниченко И.В. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 354–376.
- Никовская Л.И., Якимец В.Н. Индексный подход к оценке публичной политики // Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 73–102.
- Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018а. № 68. С. 312–329. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00044.
- Пушкарева Г.В. Публичные ценности в государственном управлении // Гражданский сектор государственного управления / Под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018б. С. 73–90.
- Сморгунов Л.В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 159–169.
- Сморгунов Л.В. Понятие и сферы публичной политики // Государственная политика и управление / Под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 386–409.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25. DOI: 0.17976/jpps/2019.04.02.

Соловьев А.И. Публичная политика и принятие государственных (политических) решений // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / Под пред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 52–67.

Соловьев А.И. Три облика государства — три стратегии гражданского общества // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 29–38.

Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследование категории буржуазного общества. Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 1991.

Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 266–308.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 7–22.

Arendt H. The Human Condition. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1998.

Bryson J., Sancino A., Benington J., Sørensen E. Towards a Multi-Actor Theory of Public Value Co-creation // Public Management Review. 2017. Vol. 19. No. 5. P. 640–654. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2016.1192164>.

Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // The Good Polity: Normative Analysis of the State / ed. by A. Hamlin, P. Pettit. New York: Blackwell, 1989. P. 17–34.

Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestation. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Fishkin J. When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Forester J. The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Manin B. On Legitimacy and Political Deliberation // Political Theory. 1987. Vol. 15. P. 338–368.

Дата поступления: 05.10.2020

References:

- Arendt H. (1998) *The Human Condition*. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bryson J., Sancino A., Benington J., Sørensen E. (2017) Towards a Multi-Actor Theory of Public Value Co-creation. *Public Management Review*. Vol. 19. No. 5. P. 640–654. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2016.1192164>.
- Cohen J. (1989) Deliberation and Democratic Legitimacy. In: A. Hamlin, P. Pettit. (eds.) *The Good Polity: Normative Analysis of the State*. New York: Blackwell. P. 17–34.
- Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestation*. Oxford: Oxford University Press.
- Fishkin J. (2009) *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford: Oxford University Press.
- Forester J. (1999) *The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grachev M.N. (2013) Onlayn-deliberatsiya: razrabotki, issledovaniya, praktiki [Online-deliberation: developments, research, practices]. *Politicheskaya nauka*. No. 1. P. 280–292.
- Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge. Massachusetts: MIT Press.
- Habermas J. (2013) Transformatsiya politicheskoy funktsii publichnoy sfery [Transformation of the political functions of the public sphere]. In: Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (eds.) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi*. Moscow: Variant: GSPGS. P. 266–308.
- Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (2013) Publichnaya sfera: programma issledovaniya [Public sphere: the research programme]. In: Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (eds.) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi*. Moscow: Variant: GSPGS. P. 7–22.
- Kosorukov A.A. (2017) Transformation of Public Sphere in Theory and Practice of Public Administration. *Politika i obshchestvo*. No. 8. P. 36–47. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.8.20966.
- Kosorukov A.A. (2019) *Publichnaya sfera i tsifrovoye upravleniye sovremennym gosudarstvom* [Public sphere and digital management of the modern state: monograph]. Moscow: MAKS Press.
- Krasin U.A, Rozanova U.M. (2000) Publichnaya sfera i gosudarstvennaya publichnaya politika v sovremennoy Rossii (krugliy stol) [Public sphere and state public policy in modern Russia (round-table discussion)]. *Sotsis*. No. 10. P. 84–91.
- Krasin U.A. (2004) Public Sphere and Public Policy in the Russian Dimension. *Politiya*. No. 3. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2004-34-3-5-23>.

- Manin B. (1987) On Legitimacy and Political Deliberation. *Political Theory*. Vol. 15. P. 338–368.
- Miroshnichenko I.V. Public Policy as an «Umbrella Concept» of Political Science. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 47. P. 354–376
- Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. (2018) Indeksnyy podkhod k otsenke publichnoy politiki [Index approach to public policy evaluation]. In: Smorgunov L.V. (ed.) *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye*. Moscow: Aspect Press. P. 73–102;
- Pushkareva G.V. (2018) Public Value Management: Can We Talk about an Axiological Turn in Public Administration. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 68. P. 312–329. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00044.
- Pushkareva G.V. (2018) Publichnyye tsennosti v gosudarstvennom upravlenii. In: Solovyov A. (ed.) *Grazhdanskiy sektor gosudarstvennogo upravleniya* Moscow: ARGAMAK-MEDIA. P. 73–90.
- Smorgunov L.V. (2012) Political Between: The Phenomenon of Liminality in Contemporary Politics. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 159–169.
- Smorgunov L.V. (2017) Ponyatiye i sfery publichnoy politik [The concept and spheres of public policy]. *Gosudarstvennaya politika i upravleniye*. Ed. by Solovyov A.I. Moscow: Aspekt Press. P. 386–409.
- Solovyov A.I. (1996) Three Aspects of the State — Three Strategies of Civil Society. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 6. P. 29–38.
- Solovyov A.I. (2018) Publichnaya politika i prinyatiye gosudarstvennykh (politicheskikh) resheniy [Public policy and Public (political) decision-making]. In: Smorgunov L.V. (ed.) *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye*. Moscow: Aspect Press. P. 52–67.
- Solovyov A.I. (2019) Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 8–25. DOI: 0.17976/jpps/2019.04.02.
- Zaytsev A.V. (2013) Deliberative Democracy, Dialogue and Their Place in Constellation of Discourse of Public Policy. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. No. 15(158). P. 147–153.

Received: 05.10.2020